

И. С. Белова

Возможности личности в «прозрачном обществе»: взгляд очевидца (Джанни Ваттимо)

Автор предпринимает попытку исследования диалектики шансов и перспектив творческой личности в условиях «распавшейся истории», утраченных иллюзий и претензий философского знания на обладание истиной в последней инстанции. В статье акцентируется внимание на возникновении новых типов рациональности и законах духовной деятельности и общения на этих новых основаниях.

Особое место занимает рассмотрение процессов, происходящих в «прозрачном обществе» на территории художественного творчества. В этой связи исследуются новые горизонты языка вообще и искусства в частности. Автор обращается к таким понятиям, используемым Джанни Ваттимо, как дереализация, демифологизация и другие.

В финальной части статьи обращено внимание на особенности педагогической и политической деятельности самого Ваттимо в новых условиях. Отмечается интересная позиция итальянского философа по данному поводу. Он считает, что в современных обстоятельствах «прозрачного общества» деятельность интеллектуала в политике должна носить ярко выраженный педагогический характер, и сам осуществляет это на практике.

Ключевые слова: «прозрачное общество», Джанни Ваттимо, «дебольное мышление», дереализация, метафизическая авантюра, стабильная структура, шок.

I. S. Belova

Person's Possibilities in "Transparent Society": A View of a Witness (Gianni Vattimo)

The author makes an attempt to research dialectics of chances and prospects of the creative person in conditions of "the broken-up history", lost dreams and claims of philosophical knowledge to possess the ultimate truth. In the article the attention is focused on emergence of new types of rationality and laws of the spiritual activity and communication on these new bases.

The special place is taken by consideration of the processes which are occurring in "transparent society" in the territory of art creativity. In this regard the new horizons of the language in general and arts in particular are investigated. The author addresses to such concepts used by Gianni Vattimo, as derealisation, demythologisation and others.

In the final part of the article the attention to features of the pedagogical and political activity of Vattimo in new conditions is paid. The interesting position of the Italian philosopher on this question is noted. He considers that in modern circumstances of "transparent society" activity of the intellectual in policy must have an apparent pedagogical character, and carries out it in practice by himself.

Keywords: "transparent society"; Gianni Vattimo; "weak thinking"; derealisation, metaphysic risky venture, a steady structure, shock.

Прежде чем обратиться к характеристикам «прозрачного общества», к сути этой философской метафоры и тех шансов, которые обнаруживает в современности Джанни Ваттимо, позволю себе несколько слов о самом авторе, ибо он не является широко известным в нашей стране. Джанни Ваттимо родился в Турине в 1936 г., окончил Гайдельбергский и Туринский университеты, с 1964 г. – профессор философии Туринского университета, а также приглашенный профессор Колумбийского и других американских университетов, член нескольких комиссий Европарламента.

В русскоязычном философском пространстве имя Ваттимо впервые «звучало», пожалуй, в конце 90-х гг. XX в., когда при поддержке фонда Сороса был издан в переводе с итальянского че-

тырехтомный учебник Дж. Реале и Д. Антисери «Западная философия от истоков до наших дней» [5]. И только в последнее десятилетие с интервалами в два-три года были переведены на русский язык и изданы малыми тиражами основные работы философа: «Прозрачное общество» [3], «После христианства» [1], «Техника и существование» [4], а также несколько небольших статей и интервью.

Чтение курса лекций по истории философии, собственный интерес к творчеству Фридриха Ницше и герменевтике стали причиной моей встречи с этим автором именно на территории учебника, а затем поиск и попытка интерпретации порой ярких и нефилософских метафор Джанни Ваттимо стали уже целенаправленными. Интересными оказались способы и приемы фи-

лософского самовыражения, самоирония и ироничность вообще, горизонты этой личности в целом.

Несмотря на то, что в фокусе интересов Ваттимо, безусловно, оказалась история философии в целом, в частности, философия XX в., центром его философского и личностного высказывания является рубеж XX–XXI вв., культурная ситуация этого рубежа и возможности личности в ситуации постмодерна, которые он разворачивает прежде всего, обращаясь к уже упомянутой метафоре «прозрачное общество». Сам Ваттимо подчеркивает, что им это выражение вводится «с вопросительным знаком» (думается, что отсюда и кавычки, в которые взято название книги). Но ее автор проясняет свои цели, заявляя, что он намерен утверждать следующее: размывание, рассеивание единой истории к рубежу XX–XXI вв. и последовавшее крушение прежних моделей и эталонов постижения смыслов истории, претензий человеческого знания на достижение своеобразной прозрачности социальных и личностных процессов для познающего их субъекта, привели в итоге к краху утопии абсолютной самопрозрачности общества, в котором живет современный человек. Для итальянского философа, помимо этих указанных, важны еще и следующие обстоятельства:

«а) в рождении общества постмодерна решающая роль принадлежит массмедиа;

б) массмедиа характеризуют это общество не как общество более «прозрачное», больше осознающее себя, более «просвещенное», но как общество более сложное, даже хаотичное, и наконец –

в) именно в этом относительном хаосе коренятся наши надежды на эмансипацию» [3, с. 10].

О надеждах и шансах речь пойдет более подробно ниже, поскольку для их исследования необходимо прокомментировать еще одно важное понятие (или опять метафору) Джанни Ваттимо, а именно – ослабленное мышление. Так назывался сборник статей единомышленников, изданный в 1983 г., характеристике этого ослабленного (или «дебильного») мышления посвящены и многие страницы книги Ваттимо «Конец модернизма», вышедшей в 1985 г. На страницах этой книги и в очерке «Диалектика, различие и дебильное мышление» итальянский философ подчеркивает суетность претензий философии на обладание первой и последней истиной; он трактует ницшеанское понятие «смерть Бога» именно как неизбежный конец метафизики с ее претен-

зией на последнюю истину. В его видении распались понятия всеобщего унитарного смысла истории, абсолютной истины, эксгумация которых не обещает ничего утешительного. Дебильное мышление символизирует (или открывает для себя) конец стабильной структуры бытия и конец эпохи философского модерна от Декарта до Ницше с ее доминантными идеями просвещения разума и прорыва к предельным основаниям.

По определению Ваттимо, переход от модерна к постмодерну, к «слабой мысли» есть переход от сильных стабильных структур к слабым структурам, от сильных единств – к слабым множествам, от господства – к свободе, от авторитарной власти – к демократии [4, с. 131]. Образ рациональности меняется на глазах, ее потенции ослабляются, но это не означает сдачи позиций, капитуляции или простой констатации этой множественности. Именно на основании этой слабости мышления и хаотической «прозрачности» Ваттимо будет исследовать, найдет и обоснует возможности и шансы современной личности, как творческой, думающей, ищущей, так и живущей обыденной жизнью. Достаточно очевидно, что эти шансы и возможности, в первую очередь, представляют собой возможности духовные, возможности мышления, возможности самоощущения человека в мире, утратившем свою цельность как единой истории, универсальной системы ценностей, общего для всех эталона рациональности и т. д.

В статье предпринята попытка исследовать основные из этих шансов на таких человеческих «территориях», как философия и познание, религия и искусство, без претензии на всю полноту обзора и анализа, но со стремлением сохранить своеобразие поисков самого Джанни Ваттимо, для которого характерно постоянное пересечение, взаимодополнение одних возможностей другими, а также постоянный диалог с предшественниками и современниками, прямо или косвенно высказывавшимися по поставленным вопросам.

Возвращаясь к упомянутым выше кавычкам и вопросительному знаку в адрес метафоры «прозрачное общество», уточним отношение Ваттимо к обеим сторонам влияния прозрачности на современное общество. Он считает, что философы и социологи XX в. сместили вектор внимания и смысловое ударение, в первую очередь, на тотальную надзорную и контролирующую природу этого социального феномена. Этот же крен «прочитывается» зачастую и в работах отдельных по-

стмодернистских мыслителей. Самого Джанни Ваттимо больше интересует та сложная «хаотичность» постмодерна, с которой он и связывает и слабости мышления, и его новые шансы.

В первую очередь, он выделяет шанс и надежды на эмансипацию, проистекающие из раскола единой рациональности, в силу которого мир всеобщей коммуникации «взрывается», превращаясь во множество локальных рациональностей. В книгах «Прозрачное общество» и «Техника и существовании» Ваттимо проводит интересное сравнение с оценкой искусства В. Дильтема, который считал опыт столкновения с искусством опытом встречи с иными мирами. Сам Ваттимо обращает внимание на то, что в обществе коммуникации опыт встречи с другими мирами происходит на основании различий между локальными рациональностями, между «диалектами» и, в свою очередь, более мощно дает опыт свободы.

Эмансипирующий смысл высвобождения различий и «диалектов» состоит, с его точки зрения, скорее, в общем эффекте потерянности, которым сопровождается этот процесс. «Если я говорю на своем диалекте, то есть существую в мире, состоящем из диалектов, то я буду осознавать, что я пользуюсь не единственным (и не единым) “языком”, но именно одним из диалектов среди многих. Если я в этом мире множественности культур придерживаюсь определенной системы ценностей: религиозных, эстетических, политических, этнических – то у меня будет ясное осознание историчности, случайности, ограниченности всех этих систем, начиная с моей собственной» [3, с. 16]. При этом сам процесс либерализации различий не является неизбежным отказом от всяких правил или грубым проявлением непосредственности; он – скорее акт, посредством которого различия «обретают голос», представляют себя и, следовательно, «обретают форму», так что становятся распознаваемыми. По мнению итальянского философа, этот новый опыт свободы пока приводит к тому, что свобода выглядит проблематичной, мы сами еще недостаточно хорошо знаем, как себе ее представлять. В связи с этим Ваттимо высоко оценивает попытки философов-нигилистов сообщить нам способность улавливать этот опыт колебания мира постмодерна, видеть в нем шанс нового способа быть гуманными.

Вопросы и интуиции итальянского философа рождаются, пожалуй, из самой его попытки понять *ослабленное мышление*. Он раскрывает те

истоки смысла, на которые указывает эта герменевтика – герменевтика ослабленного мышления, (или нигилистическая герменевтика). В своем послесловии к книге «Прозрачное общество» автор перевода Д. Новиков отмечает, что, наверное, «можно пытаться увидеть в Ваттимо ожившую христианскую традицию, улавливающую христианскую составляющую Ницше и Хайдеггера; одновременно можно приписать ее истокам эсхатологичности *ослабленного мышления*, апокалиптический характер разоблачения, «показа», которым философ наделяет общество массовой коммуникации. Однако это разоблачение ничего не «разоблачает», конец современности не обрачивается судом истины над историей, поскольку, если действительно пытаться следовать Ваттимо, мы имеем дело с новыми условиями чтения традиции, традиции как таковой – метафизической традиции бытия; и перед нами новые условия ее существования, *традирования*, которые приводят не только к переосмыслению «содержания» традиции, но и к изменению ее онтологии, самого способа бытия смысла», которые могут быть охарактеризованы только *нигилистически*: как радикальный разрыв с бытием – то есть, с любой гарантированностью, “определенностью”, данностью» [3, с. 111].

Следуя логике герменевтической мысли как Хайдеггера, так и Гадамера, Ваттимо связывает прояснение исторически данной ситуации понимания, «мне доступного понимания», с раскрытием данного смыслового горизонта, образующим «мою историчность» – то есть «мое возможное понимание». Однако область опыта, на которую спроецировано это герменевтическое внимание, с его точки зрения, есть эстетическое, пусть и весьма специфически понимаемое. Вместо логики и этики, которые доминировали в Новое время, постмодерн как постметафизическая эпоха рассматривает истину в свете эстетики и риторики. Ваттимо признает в эстетическом опыте модель опыта истины, превосходящую простой здравый смысл. Философией постмодерна, согласно ему, становится герменевтика с широкими «прожилками» прагматизма. «Законченный нигилизм» человека постмодерна есть его шанс, который политически означает преодоление отчуждения, а в индивидуальном и коллективном опыте жизни – растворение истории в конкретных индивидах.

Выше уже упоминалось об искусстве как опыте встречи с иными мирами, но эстетическая концепция Ваттимо радикально пересмотрела не

только место эстетического в опыте, но и сама суть эстетического опыта (не случайно многие ее положения были с интересом восприняты авторами постмодернистской волны). Эта эстетика может быть сведена к ряду принципов: *дереализация; всеобщая эстетизация опыта; искажающее переусвоение; фрагментаризация традиции; десакрализация десакрализации, шок*. Но автор не полагает их как некие «правила для руководства ума», а говорит об угадывании тенденций: «Конец современности», дальнейшего возможного смешения языков как продуктивного акта, немислимого в «классике», – то есть в одном из образцов. Диалектальное многообразие делается доступным через свое собственное смешение, ему невозможно научить, как это делала философия, начиная с Платона, обучая «правильной речи».

В рамках отдельной статьи не представляется возможным проанализировать или хотя бы прокомментировать каждый из перечисленных принципов, который, конечно же, имеет собственное обоснование внутри «диалекта» Ваттимо, но все они объединены «двойной темой» *дереализации-десакрализации*. Поскольку связь между ними ярче всего проявляется в процессе эстетизации и феномене всеобщей выразительности, попробуем прояснить значение этих процессов. Вокруг них и самоорганизуется главный сюжет *ослабленного мышления*. Его самые разнообразные измерения, от культа моды до философии романтиков, объединяются характерным признаком – эстетическое как всеобщая выразительность является сферой волеобразования, областью утопии. Все это, отмечает Ваттимо, и культ художника, и искусство как «воля к власти», уже было продемонстрировано Ницше; но важно, что этот феномен – генератор фантазий и желаний – проявился сегодня как переход *«от утопии к гетеротопии»*: утопия обнаружила себя как гетеротопию.

Однако не меньшую роль в эстетике Ваттимо играет другой, ставший популярным, тезис – тезис о способности произведения искусства к *дереализации*. Это свойство, игнорируемое или не обнаруживаемое предшествующей эстетикой, становится отныне не просто существенным, но главным, если не единственным. Сам феномен всеобщей выразительности порождает, прежде всего, эффект дереализации. В мире эфемеризации опыта, «рассеянного зрительского внимания» и того, что Ваттимо называет *ослаблением бытия*, дереализация есть неизбежное следствие

феномена выразительности. Искусство способно лишь усилить его. Создаваемый произведением искусства эффект еще в первой половине XX в. Вальтер Беньямин (работа «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», 1936) определил как «эффект шока».

Ваттимо, исследуя особенности этого эффекта в ситуации постмодерна, подчеркивает: «Чтобы избавиться от ностальгии по вечности (искусства) и подлинности (опыта), необходимо принять как очевидное, что шок – это единственное, что сохранилось от творческого в искусстве в эпоху массовой коммуникации. Шок характеризуется двумя взаимосвязанными качествами: прежде всего он есть не что иное, как подвижность и сверхобостренность восприятия и сознания человека мегаполиса. Этой легкой возбудимости и сверхобостренности психики соответствует искусство, ориентированное не на произведение, а на опыт, осознаваемый в микроскопических, но непрерывных вариациях (как кадры в кино). Второе свойство шока, которое конституирует его как остаточное проявление творчества в искусстве поздней современности, – это потерянности и колебание, которые связаны с тревогой и опытом смертности» [3, с. 66].

Согласно точке зрения Ваттимо, безраздельное господство массмедиа придает опыту особую подвижность и эфемерность, которые противостоят господству универсализации и формируют «общество спектакля», являющееся не только обществом видимостей, создаваемых властью, но и обществом, в котором реальность предстает более слабой, текучей; обществом, в котором опыт приобретает свойства колебания, потерянности, игры. Общий смысловой горизонт отсутствует, он бесконечно фрагментирован, и только фрагмент дает возможность воссоздавать в фантазии любое смысловое целое. Эту подвижность и эфемерность «общества спектакля» в условиях, когда завершается эпоха «метафизического театра», где все роли были четко распределены, по мнению Ваттимо, дополняет и выражает «высвобождение орнамента», или, точнее, открытие орнаментального характера эстетического, орнаментальной сущности прекрасного. «Прекрасное, – пишет он, – есть орнамент, поскольку его экзистенциальный смысл, экзистенциальный запрос, на который оно отвечает, состоит в расширении жизненного мира посредством отсылки к другим возможным жизненным мирам, которые являются не только воображаемыми или второстепенными и дополнительными мирами по от-

ношению к реальному миру; так называемый реальный мир образуется и возникает во взаимной игре многих жизненных миров как их остаток» [3, с. 81].

В этом по-новому «прочитанном» эстетическом опыте, по мнению Ваттимо, возможно обнаружить наиболее отчетливо представленную тенденцию в целом. Конфликт существует не между реальностью и ее дереализацией, например, вследствие вторжения избыточного символического, но между дереализацией, как имеющим место феноменом, и возможностями его осознания. Мышление есть ослабление бытия. Отправной точкой ослабленного мышления как сознательного способа мыслить «реальность» *ослабляемого бытия* может быть только *нигилизм* – точка в истории мышления, когда мышление оборачивается в «ничто», обнаруживая исчезновение своего предмета. Это есть та точка, где *ослабленное мышление* способно впервые осознать собственную нигилистическую онтологию и сделать соответствующие выводы о собственных критериях, возможностях, сферах, генезисе, а герменевтика обретает новую программу.

Здесь уместно подвести предварительные итоги в отношении шансов человека «прозрачного общества» в области мышления, понимания и искусства, поскольку эти шансы или возможности связаны именно с новой программой герменевтики, роль которой практически абсолютизируется Джанни Ваттимо. Он утверждает, что смысловая «открытость» (прозрачность) возможна лишь как многозначность, и, следовательно, роль интерпретации, ее доля в современности неизбежно возрастают. Речь идет «об интерпретации как о лишении оснований», как о «мгновенном приоткрывании смертности». В этом ее нигилистическое значение, интерпретация и есть исчерпание трансценденции. И соответственно, бесконечность интерпретации как единственно «доступный мне» смысловой закон, на который может ориентироваться нигилистическая герменевтика, есть лишь следование той закономерности, той очевидности смысла, что бытие все больше и больше «открывается мне» именно как интерпретация; открывается – исчезая» [3, с. 117].

При этом Джанни Ваттимо чужды как пессимизм по поводу этого «открытия», свойственный критикам индустриальной культуры (Т. Адорно, Г. Маркузе), так и оптимизм простого приятия этой очевидности теоретиками постмодерна. Думается, невозможно упускать из виду «широкие прожилки прагматизма», о которых упоминалось

выше, ибо в какой-то мере именно они позволяют итальянскому философу занять позицию своеобразного «ироничного реалиста», считающего возможным еще и действовать на основании указанного открытия: будь то деятельность политическая, или педагогическая. Активно действуя в обеих этих сферах, итальянский философ убежден, что на их территории важно развивать те перспективы, которые помогут думающему человеку «выполнить упражнение на обретение свободы».

Библиографический список

1. Ваттимо, Дж. После христианства [Текст] / Дж. Ваттимо. – М.: Три квадрата, 2007. – 175 с.
2. Ваттимо, Дж. Призвание и ответственность философа [Текст] / Дж. Ваттимо // Итальянская и испанская философия на рубеже XX–XXI веков: сб. обзоров и рефератов / РАН ИНИОН. Центр гуманист. и науч.-информ. исслед. отд. философии. – М., 2005. – С. 105–111.
3. Ваттимо, Дж. Прозрачное общество [Текст] / Дж. Ваттимо. – М.: Логос, 2002. – 128 с.
4. Ваттимо, Дж. Техника и существование [Текст] / Дж. Ваттимо. – М.: Канон-плюс, 2013. – 207 с.
5. Реале, Дж., Антисери, Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том IV. От романтизма до наших дней [Текст] / Дж. Реале, Д. Антисери. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 880 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Vattimo, Dzh. Posle khristianstva [Tekst] / Dzh. 175 s.– М.: Tri kvadrata, 2007. –Vattimo.
2. Vattimo, Dzh. Prizvanie i otvetstvennost' filosa [Tekst] / Dzh. Vattimo // Ital'yanskaya i ispanskaya filosafoiya na rubezhe KHKH–KHKH vekov: sb. obzorov i referatov / RAN INION. TSentr gumanit. i nauch.-inform. issled. otd. filosofii. – М., 2005. – S. 105–111.
3. Vattimo, Dzh. Prozrachnoe obshhestvo [Tekst] / Dzh. Vattimo. 128 s.–М.: Logos, 2002.
4. Vattimo, Dzh. Tekhnika i sushhestvovanie 207 s.– М.: Kanon-plyus, 2013. –[Tekst] / Dzh. Vattimo.
5. Reale, Dzh., Antiseri, D. Zapadnaya filosafoiya ot istokov do nashikh dnei. Tom IV. Ot SPb.: TОО TK–romantizma do nashikh dnei [Tekst] / Dzh. Reale, D. Antiseri. 880 s.– «Petropolis», 1997.